

Парадигмы в сознании рабочих Западной Сибири конца XIX — начала XX в.

В.Н. Фаронов, Ю.М. Гончаров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Paradigms in the Minds of the Workers of Western Siberia in the Late 19th — Early 20th Century

V.N. Faronov, Yu.M. Goncharov

Altai State University (Barnaul, Russia)

В настоящее время выходит все больше работ, посвященных социокультурному исследованию различных социальных слоев российского общества, в том числе и рабочего класса. В данной статье изложены результаты исследования одного из аспектов социокультурного облика рабочих Западной Сибири. Суть его заключается в негативном восприятии действительности, в том числе и на онтологическом уровне. Это находило выражение в повседневности и производственной практике. На основе материалов источников и исследовательской литературы в статье делаются выводы о присутствии в сознании рабочих негативизма, фатализма и чувства безысходности, следствием чего становились неухоженность в быту, пьянство, девиантное поведение, враждебное отношение к государству и непосредственному руководству (сосуществовавшее вместе с верой в «добротного царя» и пережитками патриархального уклада), высокий онтологический статус «спиртоносов», порвавших узы «бренного» мира.

Подавляющее большинство сибирских рабочих было безграмотным, неквалифицированным или малоквалифицированным, значительная часть рабочих лишь недавно вышла из деревни, не порвав с ней связи. Конечно же, в такой массе традиционная парадигма сознания должна быть господствующей. Что, на наш взгляд, и подтвердили дальнейшие события российской истории.

Ключевые слова: рабочие, социокультурный подход, маргинальность, парадигма, мировосприятие.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-28

Введение. В настоящее время огромный интерес вызывают исследования внутреннего мира человека. Весьма актуальными стали история повседневности, менталитета, социокультурного облика, иных граней межчеловеческих отношений. Не обошло новое ве-

Today more and more works are devoted to the socio-cultural study of various social strata of the Russian society, including the working class. This article is the results of research on an aspect of socio-cultural appearance of workers in Western Siberia. Its essence lies in the negative perception of reality, including the one on the ontological level. It found expression in daily life and production practice. On the basis of source materials and research of literature, the article draws conclusions about the presence in the minds of the workers of negativism, fatalism and feelings of hopelessness which resulted in untidy living conditions, alcoholism, deviant behavior, hostility towards the state and their direct management (along with the belief in a “good tsar” and the remnants of the patriarchal structure), high ontological status of “alcohol providers” who broke the bonds of “mortal” world.

The vast majority of Siberian workers were illiterate, unskilled or semi-skilled, significant proportion of the workers had only recently left the village preserving some connections with it. Of course, in this strata the traditional paradigm of mind must have been dominant which, in our opinion, was confirmed by subsequent events in Russian history.

Key words: business, socio-cultural approach, marginality, paradigm, worldview.

яние стороной и историю рабочего класса. Уже есть исследования повседневности, менталитета, социокультурного облика рабочих России и ее регионов. В связи с этим назревает необходимость социокультурного исследования сибирского отряда рабочего

класса России. Одному из социокультурных аспектов истории рабочего класса Сибири и посвящена данная статья.

Все социальные группы, принимавшие участие в генезисе рабочего класса, проходили через маргинальную стадию, которая была наиболее контрастной у выходцев из деревни. Маргинальность, согласно представителю чикагской школы социологии Р. Парксу, который и ввел этот термин в научный оборот, есть состояние социального субъекта, находящегося на границе двух культур, но не принадлежащего ни одной из них: «главное, что... определяет природу маргинального человека, — чувство моральной дихотомии, раздвоения и конфликта, когда старые привычки отброшены, а новые еще не сформированы. Это состояние связано с периодом переезда, перехода, определяемого как кризис» [1, с. 97]. Значительная часть рабочего класса Западной Сибири находилась именно в таком состоянии, со всеми вытекающими отсюда следствиями. Прежний менталитет, основанный на социокультурном наследии российской деревни, а для рабочих из бывших мастеровых Кабинета — основанный на их сословном происхождении, играл все еще важную, а иногда и решающую роль в повседневной жизни и производственных отношениях сибирского рабочего.

Здесь возникает вопрос выбора адекватного подхода к исследованию трансформирующихся социальных слоев. На наш взгляд, оптимален социокультурный подход, учитывающий влияние и социальных, и культурных факторов, но вместе с тем придающий большое значение и актору, участвующему во всех процессах, — классу или иному социальному слою. Но и в рамках социокультурного подхода существует значительное поле варибельности. На наш взгляд, одну из адекватных методологий исследования разработали историки и культурологи И.Г. Яковенко и А.И. Музыкантский. Основной идеей авторов является трактовка процессов истории нового и новейшего времени сквозь призму теории становления цивилизации личности, сменяющей цивилизацию архаика (индивид, паллиат). Одной из главных различительных черт между личностью и архаиком является наличие/отсутствие «гностикоманихейской» парадигмы сознания, суть которой будет изложена в основном тексте статьи. На наш взгляд, авторы в полной мере доказали, что модернизированным может быть лишь то общество, в котором вышеупомянутая парадигма вытеснена на периферию общественного сознания. Это относится не только ко всему обществу, но в неменьшей степени и к его социальным слоям и группам. Один из таких социальных слоев — рабочий класс Западной Сибири — мы и рассмотрим с точки зрения его принадлежности к данной ментальной парадигме, что позволит нам лучше понять степень его классово-зрелости и готовности давать адекватные ответы вызовам времени.

Исследование основано на архивных материалах Санкт-Петербурга, Барнаула и Томска, на информации из газетно-журнальных источников и исследований историков-краеведов. Объектом исследования является социокультурный облик рабочего класса Западной Сибири, предметом — парадигмы в сознании рабочих.

Фатализм и безысходность мировосприятия рабочих. При изучении многих источников личного происхождения бросается в глаза негативность восприятия той действительности, в которой приходилось существовать рабочему. Так, один из рабочих пишет: «Раннее детство помню смутно. Оно было так же серо и безрадостно, как и у других сотен тысяч подобных мне детей... Крайняя скудость средств, постоянная нужда в самом насущном и необходимом — создавали жизнь, которая прорывалась единственным светлым лучом, когда отец, большой любитель чтения, иногда читал нам по вечерам какую-нибудь книжку» [2]. Вот другой пример не менее негативной оценки действительности, взятый из воспоминаний А.К. Голиковой: «Детство у меня было страшно тяжелое, так как кроме стирки чужого белья других источников к существованию у нас не было. Нужда в нашей семье была настолько велика, что матери предлагали отдать несколько детей в приют» [3, с. 63]. Один из сибирских публицистов, описывая жизнь низов населения Томска, так характеризует в целом ситуацию: «Бедность с ее „беспокойством“, с ее оскорбительным, гнетущим безобразным фоном неуютной домашней обстановки, заботливое уничтожение государством нашим всяких идейных низовых течений — все это дает в производном страшный алкоголизм, прочно вошедшее в нравы битье женщин и детей, омерзительные навыки к самому смрадному „истинно русскому“ сквернословью — три страшные гангрены нашего народного духа» [4, с. 71].

Конечно, «отупляющий тяжелый труд, примитивный до скотства быт, отсутствие возможностей для удовлетворения элементарных духовных потребностей» [5, с. 81], — все это угнетало и подавляло психику, порождало пессимизм, неверие в себя, негативное в целом восприятие мира. А.Е. Плотников приводит такие свидетельства А. Уманьского, которого поражал «безнадежно презрительный» взгляд приисковых рабочих на себя как на совсем пропавших людей. Он приводил услышанные случайные разговоры рабочих: «... При скатке машинной бочки, когда несколько человек рабочих столпилась близко нее, один из них заметил: „Как бы народ не задавило“, и другой отозвался на это: „Какой народ? — тут народа нет, все приискатели: нас и задавить-то не жалко“. При портовых работах, когда случается заметить рабочему, чтобы сейчас же ставил станки, во избежание опасности, он не редко ответит равнодушно: „А если задавит, что за беда — не больно-то наша жизнь сладка“» [5, с. 81]. Здесь, кроме негативного восприятия мира, явственно виден и присущий сознанию рабочих

фатализм, т. е. уверенность в детерминированности inferнальной безысходности своего существования.

В связи с этим интересным представляется свидетельство одного из авторов начала XX в. о фаталистической вере низов сибирского общества: «Она заключается во всепроникающей вере в Бога-рок, в Бога-судьбу... Этот рок бьет нас, здесь, в этих темных норах — часто, метко и сильно. Иногда он и поддерживает сильных, прочных и энергических питомцев низов; погибают в грязи, в смраде сотни — на одного вышедшего на „вольный воздух“. И вера в божественный рок сильна и искренна у нас; погибающим дает она суровое утешение сознания предопределенной неизбежности, могучим людям, что идут „напролом“, дает она же прочную уверенность в том, что им „Сам“ очевидно помогает... Эта вера идет мимо притвора, алтаря и амвона и сильнее она всей обрядовой церковщины...» [4, с. 71–72]. Собственно, об этом же, как о пассивности перед смертью (или, в другом месте, вслед за Г. Успенским, называя это «властью земли») писал и А. Вишневский: «Дореволюционному российскому обществу были свойственны пассивное смирение перед смертью, неверие в возможность ей противостоять» [6, с. 113]. И далее он называет исток подобного рода воззрений: «Пассивность перед смертью — неотъемлемая черта всех холистских аграрных обществ... Не случайно поэтому активность в борьбе со смертью... еще сто лет назад нередко встречалась в России с неодобрением» [6, с. 114]. О том же писал и Б.Н. Миронов, характеризуя крестьянский менталитет: «Согласно крестьянским представлениям, от отдельного человека мало что зависит в жизни. „Богатство и бедность воспринимались как дар или наказание, ниспосланные Богом, — свидетельствовал крестьянин И. Столяров. — На Бога же жаловаться нельзя. Бог волен наградить милостью или наказать гневом своим. Его пути неисповедимы“» [7, с. 329]. Таким образом, мы можем до известной степени констатировать присутствие в народной среде не просто пережитков дохристианских верований, но в своем роде стройного и целостного архаического мирозерцания.

В свете данной точки зрения вряд ли можно согласиться с выводами А.Е. Плотникова о том, что «безысходность, фаталистические настроения являлись ничем другим, как проявлением мелкобуржуазной психологии, типичной для рабочего пореформенной эпохи» [5, с. 81]. На наш взгляд, это были ментальные пласты архаического, а отнюдь не буржуазного, в целом воспринимающего мир позитивно, сознания. Причем в нашем случае речь идет не об архаике вообще, а об особом типе архаики, определяемом культурологами И. Яковенко и А. Музыкантским как «гностический», то есть мироотрицающий, видящий в мире зло, а в человеческой жизни — лишь бремя страданий. По мнению авторов, такой «гнозис утверждается в тех группах, где давление обстоятельств критически велико и не просматри-

ваются какие-либо позитивные перспективы. В разные эпохи это могут быть социальные низы, разнообразные маргиналы, интеллектуалы... Сами по себе трудности, опасности, безрадостная жизнь вполне могут восприниматься как некоторый этап. Главное — чувство безысходности» [8, с. 40].

Приведенные выше примеры подтверждают справедливость подобной точки зрения. Чувство безысходности там господствует всецело. Более того, психологический гностицизм порождает ситуацию, когда «для человека, погруженного в стихию мироотвергающего сознания, жизнь — и своя, и другого человека, и человечества — недорогого стоит» [8, с. 167]. Слова рабочих о нулевой цене их жизнью как раз и исходят из подобного мировоззрения.

Жилищно-бытовые условия. Но не только девальвация жизни присуща людям, в сознании которых господствует эта парадигма. Все окружающее пространство предстает враждебным и безрадостным, в том числе и пространство собственного проживания. И.Г. Яковенко пишет: «традиционный быт — крестьянский, мещанский, рабочий — предстает как одно из пространств традиционной репрессии, ибо быт этот тягостен, требует постоянного напряжения, тотально дискомфортен, неудобен, неоптимален, связан с изматывающим перерасходом сил. В традиционном обществе комфортным был быт высоко статусных, состоятельных лиц перекладывающих бремя на дворню и прислугу» [9, с. 236]. В описаниях рабочего жилья и быта, данного В.И. Семевским, П. Головачевым и другими авторами конца позапрошлого и начала прошлого века, предстает картина неухоженности жилья, скученности проживающих, антисанитарии и т. п. Особенно тяжелы были условия проживания в приисковых и иных временных рабочих поселках. В.П. Зиновьев так характеризует общее состояние подобных поселений и людей, их населявших: «...временные промысловые поселки были обычной практикой промышленного освоения Сибири еще в XIX — начале XX в. со всеми сопутствующими им явлениями — преобладанием мужского населения, однообразием досуга, алкоголизмом, проституцией, драками, высокой смертностью из-за тяжелого мужского труда, низкого уровня питания и быта, медицинского обслуживания, быстрого износа работников и частой сменой населения, формированием слоя изношенных („ханувших“) работников» [10, с. 132].

Но немногим лучше дела обстояли и у рабочих, живших в городах или промышленных селах. Так, в описании жилья рабочих Барнаульского монопольного винного склада можно прочесть следующее: «...кругом каждого дома кучи назьма, грязи и всякой мерзости, издающей смрад и зловоние. Все усилия администрации отучить рабочих от содержания своих дворов в таком виде ни к чему до сих пор не вели» [11, с. 46–47].

Таким образом, вовсе не тяжелые условия временных промысловых поселков являлись основной причиной неустроенности жилья. Главная причина такого положения дел, согласно выводам В.П. Зиновьева, с которыми мы полностью согласны, заключалась не столько в объективных трудностях развития производства и нежелании предпринимателей тратить на строительство жилья для рабочих, соответствующего принятым нормам гигиены, сколько в низком уровне притязания самих работников, их низком стандарте потребления, привычном для деревенских жителей, которые и составляли большинство из пополняющих ряды пролетариата: «На этот стандарт и ориентировались предприниматели при размещении работников в общежитиях-казармах... Скученность, антисанитария повышали заболеваемость работников и способствовали повышению их смертности, обедняли досуг, препятствовали нормальному отдыху, росту культурного и морально-этического уровня» [12, с. 29–30]. Чтобы произошли перемены в отношении к бытовым условиям проживания, необходимы были серьезные социокультурные изменения, начало которым в исследуемый период было только положено.

Девииантное поведение. В этом же ряду стоит и долго сохранявшаяся в рабочей среде «традиция» пьяных разгулов. Можно приводить множество свидетельств подобного. В.И. Семевский писал о таком случае: «5-го января 1884 г. на приисках Ф., в Мариинском округе, команда рабочих до 50 человек почувствовали неудержимое желание выпить „винную порцию“ (дозволения продажи вина на приисках не существует, и рабочие, состоящие на хозяйском содержании, получают его от хозяев по их усмотрению); когда приисковое управление не удовлетворило этого желания, то „команда“ не пошла на работы. На другой день по приглашению выпить в обычное время, рабочие отказались от водки, но ненадолго — искушение было слишком велико, и затем, после поданного угощения, они потребовали, чтоб им дали еще вина; получив отказ, они вломились к управляющему, который убежал с прииска; рабочие избили его жену и детей, ворвались в помещения, где хранился спирт, и черпали его, кто сколько мог» [13, с. 648]. А вот свидетельство газеты «Сибирский листок» от 27 февраля 1900 г., где в статье «По Тавде» писалось: «Драки происходили такого рода, что уговорить или разнять расхорившийся фабричный народ не представлялось никакой возможности... Иногда во время драк, по распоряжению администрации фабрики, на арену действия посылалась пожарная машина и расхорившуюся толпу „разливали“ водой. Такие истории повторялись чуть не каждый раз после получки заработка от конторы» [14]. А вот слова из послания замнаркому В.Д. из Новониколаевского Сиботделуправления, датированного осенью 1921 г.: «На Кольчугинском руднике развивается пьянство... В Кольчугино, в связи

с развившимся пьянством ежедневно бывают беспорядки и драки. Милиция бессильна бороться. Был случай избития милиционера» [15].

Отметим и еще одну широко распространенную форму девиантного поведения, свойственного преимущественно молодежи, как сельской, так и рабочей. В.А. Зверев писал: «С пьянством теснейшим образом было связано растущее хулиганство части молодежи, перерастающее нередко в криминальное поведение... Самым распространенным проявлением делинквентного поведения (хулиганства) сельской молодежи были ночные хождения по улицам в пьяном виде с пением непристойных песен и сквернословием, ссоры и драки, оскорбление „словами и действием“ прохожих, вымогательство и отнятие денег на покупку вина, разбитие стекол, поломка изгородей, поджоги стогов сена и хлебных скирд, вымазывание дегтем ворот и оконных наличников. Пьяным разгулом, доходившим до поножовщины и кольев, отмечал зачастую „молодыжники“ съезжие праздники» [16, с. 210]. Сильнее всего хулиганство было развито в селениях с действующими торгово-промышленными предприятиями, в пригородах, в приисковых поселках, т. е. речь идет, как уже отмечалось, не только о крестьянском, но и о рабочем населении. В.А. Зверев связывает рост массового асоциального поведения с алкоголизацией населения, приводя в качестве примера временное улучшение криминогенной обстановки после принятия «сухого закона» в 1914 г. и последующую ее активизацию к 1916–1917 гг., напрямую связанную с возрастающим размахом незаконной торговли водкой и самогонварением [16, с. 212]. С этим выводом нельзя не согласиться. Пьянство и асоциальное поведение являлись следствиями разложения традиционной культуры, которая во многом сдерживала эти и другие негативные явления социальной жизни. Так, например, «традиционная мораль осуждала хроническое пьянство, хотя и не предписывала полной трезвости („Не грешно выпить, грешно пьянствовать“, „Гуляй гуляй, да только дело не забывай“»)» [16, с. 208], т. е. алкоголь не вытеснялся из жизни, но его употребление регулировалось на допустимом уровне авторитетом традиции. С падением же этого авторитета пали и сдерживающие нормы. Причем явление массового асоциального поведения было характерно не только для Сибири, но и для всей страны [16, с. 211]. Образ жизни в деревенской общине контролировался преимущественно авторитетом обычая, несущего в себе унаследованный от предков стереотип поведения, который превращался в ходе социализации во внутреннюю потребность субъекта и не ощущался каким-либо внешним контролем [17, с. 74].

Однако, на наш взгляд, здесь важен еще один момент. Когда рушатся нормы и правила традиционного мира, переживаемые как космические константы, человека традиции охватывает иррациональный ужас.

Он начинает обвинять себя и весь мир в преступлениях, из-за которых сакральное отвернулось от мира. Начинается резкая хаотизация окружающего социума, так как сдерживающие силы традиции, а часто и государства, ослабевают. Но само архаическое население в ответ на снижение сдерживающих хаос государственных репрессий начинает проявлять низовое насилие. Одним из видов его в конце XIX — начале XX в. стало массовое хулиганство, которое можно определить как стихийный протест масс против существующего порядка вещей. Мир модерна, мир буржуазии, новый жизненный уклад вызвали отторжение: «Архаику душно. Он задыхается в этом мире, упорядоченном по другим, отрицающим его природу законам, утрачивающим образ Хитрова рынка или спившегося предместья. Разрушить этот мир не удастся, но выразить свое отношение необходимо. А потому остается надломать, изгадить, нацарапать бранное слово» [9, с. 308]. Лишь позднее, когда прежний миропорядок с приходом коммунистов к власти был восстановлен, постепенно сошло на нет и массовое хулиганство.

Отношение к власти и начальству. Сам же этот привычный миропорядок отражался в монархизме рабочих и ненависти к непосредственному руководству. Рабочие в массе своей еще верили в доброго царя, окруженного несправедливыми начальниками, достойными только того, чтобы, как утверждалось в одной из любимых рабочими Алтайского округа былин, «посекли им головы» и за все их неправедные дела, и для того, чтобы впредь уже никто не мешал народу жить по справедливости: «культура традиционного крестьянина и ремесленника... сторонилась государства и его культуры, демонизировала эти сущности, видела в людях государства странных существ, природа которых непостижима, эти существа всегда враждебны и опасны простому человеку» [9, с. 70]. Всякий вошедший во власть, осквернивший себя служением государству, отказался тем самым от Опонского царства, в преданиях о котором отразились вековые мечты российского крестьянина о справедливом обществе. Кроме того, репрессии по отношению к таковым переживались как предвестие эсхатологического уничтожения государства и наступления всеобщего благоденствия.

На практике с местным начальством, предпринимателями, а также и служащими отношения у рабочих часто складывались весьма напряженные. В одной из статей «Сибирской газеты» так писалось о взаимоотношениях на спичечной фабрике Ворожцова в Томске: «Каковы отношения между хозяином и рабочим, видно из того, что хозяин на фабрику никогда не ходит один и без револьвера» [103, с. 94]. Однако больше всего от рабочих доставалось служащим, которых они называли «духами», «собаками», «причиндалами». В.П. Зиновьев по этому поводу отмечает: «Мордобой на промышленных предприятиях был явлением обычным. „Побить красную рожу“ служащие

го почиталось доблестью. Среди служащих также ценились умелые бойцы» [10, с. 94]. Во многом хозяева и служащие были сами виновны в подобном отношении рабочих. П. Головачев отмечал, что к рабочим относились они с недоверием, презрением и жестокостью [18, с. 302], что не могло не вызвать ответной неприязни. О ненависти к начальству и источнике ее возникновения писал управляющий Кольчугинской копи. В рапорте от 22 января 1893 г. он уверяет, что ненависть рабочих к начальству является остатком «озлобленности, какую таили в себе рабочие еще во времена крепостного права; это — запоздалая месть за те жестокости, которым подвергались рабочие в минувшее, но еще далеко не забытое время... Старики, испытавшие всю тяжесть крепостного труда, еще живы и передают детям свою ненависть к начальству как к безжалостным притеснителям» [19]. В целом же отношение к руководству у рабочих было двояким. С одной стороны, владельцы предприятий, управляющие, мастера и т. д. представляли в сознании рабочего враждебным лагерем и вызывали ненависть, с другой стороны, оставались в силе патриархальные традиции, да и управляющий был той инстанцией, к которой рабочие обращались в случае беды или конфликтов со служащими [10, с. 94].

Мифология «дороги». Обратим внимание и на такое специфическое явление, как «спиртоношество» на приисках, отношение к которому также, на наш взгляд, выявляет гностико-манихейскую ментальную парадигму многих рабочих. Вот как один из документов описывает характер деятельности спиртоносов: «С бочонком водки за плечами и револьвером в кармане, спиртонос отправлялся пешком в тайгу, рискуя на каждом шагу погибнуть от пули приискового казака или в лапах хищного зверя. Неимоверных усилий стоило такому молодцу преодолеть все трудности похода и пробраться на какой-нибудь прииск» [20]. Спиртоносы могли объединяться в артели и при необходимости вступать в вооруженные столкновения с казаками, охраняющими прииски. Но они же являлись конкурентами друг для друга. П.М. Головачев писал, что «часто спиртоносы убивают друг друга, чтобы не делиться добычей» [18, с. 302]. Тем не менее все опасности и лишения окупались с лихвой, о чем свидетельствовал наблюдавшийся постоянно рост числа спиртоносов. С нескрываемой завистью рабочие смотрели на людей из своей среды, смогших преодолеть социальную и психологическую обусловленность и, так или иначе, вырваться из безысходности каждодневного неблагодарного труда: «Вот, скажем, спиртоносы. Собачья жизнь. Вороватая... А свободная... Свободная, хоть и хитрая и темная. Иного, поди, так прибьют, что едва-едва ползет, а смотришь — опять везет. У нас на Алтае недавно тоже, было, так просто на сковородке поджарили в пятки. Тимошка Жареный — и теперь зовут его... Клялся, а все по-старому... Его жгут, а он все

по-своему... И правильно. Потому, что такое человек без воли, без супротивления?! Кляча!» [21].

С нашей точки зрения, подобные зависть и уважение не объяснимы одной только любовью к удали и бесстрашию этих людей. Здесь речь скорее идет об особом статусе скитальца, вырвавшегося из матрицы текущей inferнально безысходной жизни. Спиртоносы, таким образом, являются выразителями мифологии «дороги»: «„путь-дорога“ — восходящий к седой архаике универсальный образ бытия вне исторической реальности, вне этого мира. Люди, мечтающие бросить к чертовой матери опостылевшую жизнь, сорваться с места и уйти в неведомую даль, стремятся выйти из бытия... Дорога — мечта людей простых, вписанных в систему и реальность маргиналов. Здесь бродяга, калика переходжий понимается как Божий человек. Не принадлежащий этому миру, не сеющий и не жнущий, снявший с себя бремя социальной ответственности и вышедший из истории и цивилизации, он приблизился к Царствию Небесному. Дорога — не структура, не государство, не цивилизация, не социальность. Дорога — образ временного пребывания в мире до прихода „домой“» [8, с. 148]. Здесь не важны взгляды на себя и свою жизнь самих спиртоносов. Определяющим является отношение к ним, имеющее основание все в той же архаической парадигме.

Унаследованная от византийского православия, дуалистическая парадигма могла адаптироваться к изменениям в мире только через инверсию: сакральный правитель может быть воспринят злодеем и тираном, господствующая религиозная вера — измышлением зла и т. д. Это порождает чувство неукорененности человека в бытии: «человек не имеет в имманентном мире своего законного места, ибо сам мир имманентного неонтологизирован, лишен божественной санкции» [9, с. 33]. Неукорененность в мире порождает представление о его неподлинности и соответственно неподлинности жизни в нем: «В ней что-то не так.

Где-то там, за горизонтом должна быть другая, настоящая жизнь. Бросить бы все это, уехать в неведомую даль, где все правильно, где торжествует сакральное Должное и он сам будет совсем другим, настоящим» [9, с. 33]. Отсюда и мифология дороги и человека века дороги, находящегося на пути в подлинное.

А так традиционное сознание признает лишь за государственной Иерархией космообразующую силу, а человека в отдельности видит источником хаоса, то вышедший за рамки подчинения Иерархии человек становится представителем антииерархического преступного мира, сектантского движения, революционных организаций и т. п. [9, с. 326–327] Таковыми, в глазах рабочих, становились и спиртоносы, являвшиеся частью преступного мира, обладающего отрицательной сакральной значимостью.

Заключение. Можно констатировать присутствие в культуре и сознании рабочих таких явлений, как негативизм мировосприятия, фатализм, девальвация ценности жизни (собственной и других), неухоженность жилищно-бытового пространства, сильное пьянство, переходящее нередко в буйные эксцессы, массовое хулиганство, вера в доброго царя и злого барина, мечтательный взгляд на спиртоноса как на человека, порвавшего с правилами злого мира, — и это лишь часть явлений в жизни рабочих, которые могут быть отнесены к следствиям комплекса, унаследованного от прежних традиционных социальных слоев, прежде всего крестьянства. У нас нет статистических данных, позволяющих относительно точно определить, каков был удельный вес рабочих с архаическим мировоззрением. Но, по-видимому, этого и не нужно. Подавляющее большинство сибирских рабочих было безграмотным, неквалифицированным или малоквалифицированным, значительная часть рабочих лишь недавно вышла из деревни, не порвав с нею связи. Конечно же, в такой массе традиционная парадигма сознания должна быть господствующей. Что, на наш взгляд, и подтвердили дальнейшие события российской истории.

Библиографический список

1. Сайнаков Н.А. Маргинальность как понятие. Методологические перспективы в историческом исследовании // Вестник Томск. гос. ун-та. — 2013. — № 375.
2. Автобиография Култышова Н.К. // Центр документации новейшей истории Томской области. — Ф. 76. — Оп. 2. — Д. 197.
3. Голикова К.А. Автобиография // Томские женщины. XX век : сборник документов и материалов. — Томск, 2003.
4. Алтайский Б. В царстве черняди // Сибирские вопросы. — 1906. — № 6.
5. Плотников А.Е. О социальном облике сибирских рабочих пореформенного периода // Экономические и социальные проблемы истории Сибири : мат. науч. конф., посвящ. 400-летию присоединения Сибири к России. — Томск, 1984.
6. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. — М., 1998.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. — СПб., 2003. — Т. 1.

8. Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. — М., 2011.
9. Яковенко И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. — М., 2011.
10. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. — Томск, 2007.
11. Шамина Л., Башунов В. Школа Диониса. История Барнаульского ликеро-водочного завода за сто лет, воссозданная по официальным документам, архивным источникам, в цифрах, событиях, фактах, с привлечением живых описаний, воспоминаний и свидетельств тех, кто связал с заводом свою судьбу. 1899–1999. — Барнаул, 1999.
12. Зиновьев В.П. Жилищно-бытовое положение семей горнорабочих Сибири в конце XIX — начале XX в. // Рабочая семья Сибири. — Барнаул, 2012.
13. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Историческое исследование. — Т. 2. Положение рабочих после 1870 г. — СПб., 1898.
14. По Тавде // Сибирский листок. — 1900. — 27 февр.
15. Новониколаевск. Сиботдел управления чрезвычайной комиссии. Москва. Замнарком В.Д. // ЦДНИ ТО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 224.
16. Зверев В.А. Дети — отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. — Новосибирск, 1993.
17. Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). — Новосибирск, 1998.
18. Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. — М., 1905.
19. Рапорт управляющего Кольчугинской копи 22 января 1893 г. // Государственный архив Алтайского края. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 127.
20. По вопросу об упорядочивании питейного дела на золотых приисках В.С. (1901–1904 г.) // РГИА. — Ф. 468. — Оп. 23. — Д. 1657. — Л. 1–20.
21. Павлоградский В. Спиртонос // Сибирские отголоски. — 1906. — 26 марта.